

На глазах у почти сотни зрителей мужчина получил пощёчину от женщины без всякой причины, но не мог ответить, что вызывало сильное раздражение. Лицо носильщика паланкина покраснело, как печень, грудь тяжело вздымалась, кулаки сжались, но он не осмелился ударить в ответ, лишь угрюмо нахмурился и молчал.

Куртизанка, видя, что он не склонился перед ней, чтобы дать ей возможность сохранить лицо, казалось, ещё больше разозлилась. Её лицо исказилось от гнева, и она бросила на него злобный взгляд:

— Что? Не согласен?

Затем снова ударила его по лицу.

Лицо мужчины стало ещё краснее, он, казалось, изо всех сил сдерживал гнев, но не мог ничего сделать. Носильщики паланкина вокруг тоже молчали.

Сыту нахмурился:

— Убить человека — это просто, но почему этот парень так терпелив?

Сяо Хуан искренне сочувствовал носильщику. Если бы Сыту не шутил так неосторожно, тот не оказался бы в такой унижительной ситуации. В этом хаотичном мире найти работу было нелегко, и большинство грубиянов могли рассчитывать только на свою физическую силу. Единственный выход для них — это носить паланкины, терпеть оскорбления и не отвечать на удары. Одна ошибка могла стоить им работы.

— Что делать? — спросил Сяо Хуан, глядя на Сыту.

Сыту пожал плечами, говоря небрежно:

— Что делать? Просто ему не повезло.

Затем он взглянул на куртизанку:

— Эта женщина, конечно, не вызывает восхищения.

Сяо Хуан вдруг тихо произнёс:

— Быть человеком действительно непросто.

— Почему ты так думаешь? — с интересом спросил Сыту.

— Посмотри на эту женщину. Она зарабатывает на жизнь своим телом, у неё нет никого, кто бы её любил. А носильщик — это бедняга, который продаёт свою силу ради куска хлеба... Несчастные люди издеваются над несчастными.

Сяо Хуан говорил спокойно.

— Люди всегда причиняют боль друг другу: злые обижают добрых, сильные притесняют слабых, те, у кого есть всё, унижают тех, у кого ничего нет. В конце концов, и добрые, и злые, и сильные, и слабые — все они причиняют боль друг другу... Разве быть человеком не сложно?

Сыту не знал, смеяться ему или плакать:

— Редко слышу от тебя такие длинные речи. Ты что, выпил?

Сяо Хуан задумался. Действительно, он чувствовал несправедливость, что было для него необычно.

— Ты считаешь этих людей несчастными? — Сыту слегка сжал запястье Сяо Хуана и тихо спросил.

— Не совсем.

Ответ Сяо Хуана заинтересовал Сыту.

— Тогда о чём ты размышляешь?

Сяо Хуан подумал и сказал:

— Я просто думаю, что некоторые буддийские сутры и книги, которые учат людей быть добрыми и отречься от мира... они неправы.

— Ха... Ты тоже говоришь, что книги бесполезны?

Сыту кивнул.

— Расскажи подробнее.

— Например, когда ты голоден, призывать себя к отречению бесполезно. Если человек голоден и не ест, он умрёт. Многие могут умереть за славу, за любовь, даже покончить с собой, разочаровавшись в жизни, но никто не хочет умереть от голода.

Сяо Хуан говорил словно сам с собой.

— Другими словами, слава, любовь, жизнь... всё это оказывается менее важным, чем тарелка риса. Разве это не странно?

— Ха-ха...

Сыту рассмеялся, а затем, глядя на Сяо Хуана, сказал:

— Ты книжный червь, но в этом мире всё не так прямолинейно.

Сяо Хуан моргнул, словно не понимая.

— Посмотри сюда!

Сыту поставил чашку и указал вниз. Куртизанка уже села в паланкин, носильщики подняли его, а женщина время от времени бросала взгляды на того, кого ударила, и в её глазах, казалось, была тень сожаления.

Сяо Хуан с удивлением посмотрел на Сыту:

— Она...

— Её тоже унижали, поэтому она знает, каково это.

Сыту говорил спокойно, поднимая чашку и продолжая пить.

— Ты веришь, что этот носильщик тоже будет унижать других? Даже если это будет нищий или новый носильщик, если у него будет возможность, он вряд ли устоит.

Сяо Хуан подумал и кивнул:

— Я могу представить, я видел такое.

— Помимо добра и зла, славы и любви, есть и другие вещи.

Сыту не спеша пил вино.

— Ты думаешь, что он несчастен, потому что ты — это ты. Если бы ты был на его месте, ты бы, возможно, считал это нормальным и не воспринимал бы как унижение.

Сяо Хуан слегка кивнул, ожидая продолжения.

— Мы не жили жизнью других, поэтому не знаем их радостей и горестей... Точно так же другие не жили нашей жизнью и не могут понять наших чувств.

Сыту налил Сяо Хуану ещё вина.

— Например, вкус этого вина отличается от того, что написано в книгах, верно?

Сяо Хуан задумчиво кивнул:

— Да... отличается.

— В книгах написаны чувства того, кто пил вино, а не твои.

Сыту смотрел на вторую куртизанку, выходящую из здания, и с лёгкой улыбкой сказал:

— В книгах не всё неправильно, но каждый должен жить своей жизнью, никто не может сделать это за тебя. Кто не выдерживает — тот проигрывает.

Подняв чашку и сделав небольшой глоток, Сяо Хуан через некоторое время произнёс:

— Сыту, ты хорошо разбираешься в людях.

Сыту улыбнулся, слегка ущипнув его за подбородок, и тихо сказал:

— Повтори ещё раз.

— Что?

Сяо Хуан поднял на него лицо.

— Назови меня Сыту.

Сыту улыбнулся.

— И улыбнись.

Сяо Хуан послушно улыбнулся и произнёс:

— Сыту.

Сыту, словно смакуя эти слова, через некоторое время медленно сказал:

— Знаешь, только когда я стал взрослым, кто-то начал называть меня по имени.

Сяо Хуан кивнул.

— Но мне больше всего нравится, как ты это делаешь.

— Как я это делаю?

— С чувством.

Пока Сыту и Сяо Хуан наслаждались вином, внизу одна за другой появлялись куртизанки. В самый разгар веселья раздался пронзительный крик, и женщина с растрёпанными волосами выбежала с второго этажа, крича, словно её что-то напугало.

Гости и девушки внизу, увидев её, тоже заволновались. Сяо Хуан, глядя в окно на суматоху внизу, с беспокойством посмотрел на Сыту. К его удивлению, на лице Сыту не было ни тени удивления, лишь лёгкое понимание, что вызвало у Сяо Хуана недоумение.

— Что случилось? — тихо спросил Сяо Хуан.

— Хм...

Сыту усмехнулся.

— Они действительно терпеливы, дождались этого момента.

Сяо Хуан удивился, внимательно посмотрев на Сыту. Неужели всё это было в его планах, или он уже заметил какие-то следы?

Видя вопросительный взгляд Сяо Хуана, Сыту тихо сказал:

— С того момента, как мы вышли из усадьбы, за нами следили.

— Кто? — спросил Сяо Хуан.

— Тот, кто послал слежку, очень умён!

Сыту улыбнулся.

— Незаметно следить за мной даже для мастера высшего уровня — задача непростая, поэтому они использовали людей, не владеющих боевыми искусствами.

Сяо Хуан, услышав это, вспомнил и понял:

— Я понял... По пути сюда почти каждые десять шагов на втором этаже было открыто окно.

Сыту одобрительно кивнул. Хотя он и не владел боевыми искусствами, его наблюдательность была на высоте, и он сразу заметил неладное.

— Куда бы мы ни пошли, за нами всегда наблюдают. И теперь, когда мы здесь, кто-то обязательно знает об этом.

Сыту слегка постучал по столу, ожидая, какую пьесу сейчас разыграют.

Они больше не обсуждали это, а просто смотрели на происходящее внизу. Женщина, выбежавшая с верхнего этажа, кричала:

— Беда! Демон-цветок снова вышел убивать!

Сыту нахмурился:

— Так и есть!

— Ты хочешь сказать, что этот демон-цветок всё время следовал за нами?

Лицо Хуан Баньсяня побледнело.

Сыту ущипнул его за подбородок и улыбнулся:

— Не обязательно за нами.

— За кем же?

— За тобой!

Как только Сыту произнёс это, Сяо Хуан весь напрягся, что ясно показывало его внутреннее беспокойство. Сыту понял, что этот парень уже давно всё знал. Не говоря больше, он повернулся к окну и увидел, как женщина кричит, а хозяйка заведения вызывает стражу.

Сыту положил серебро на стол и, взяв за руку всё ещё смотрящего вниз Сяо Хуана, сказал:

— Пошли!

Хуан Баньсянь не понял:

— Куда?

— Сначала уйдём отсюда!

Сказав это, Сыту потянул его к выходу, но как только они подошли к двери, снизу послышались торопливые шаги, и издалека донёсся голос хозяйки:

— В той комнате впереди! Там точно был Хуан Баньсянь!

<http://bllate.org/book/15274/1348314>